

Ли Биньчэн с некоторым трудом произнёс:

– Ваш младший дядя-наставник – мужчина... Что до остального, поговорим, когда вы с ним встретитесь. А что касается меня... Моё даосское имя – Вэйфань. «Фань» – как в слове «обыденный».

Оба ребёнка на мгновение умолкли.

– Наставник, нам ведь тоже полагаются даосские имена и почётные прозвания?

– Почётные прозвания вам дадут другие собратья по пути совершенствования, когда вы отправитесь странствовать и прославитесь своими подвигами. А сейчас какие ещё прозвания могут быть у двух крошечных бобов? Что же до даосских имён – их вам и вправду уже пора получить. Но я не силен в наречении имён, так что пусть их даст вам старший боевой дядя, глава секты.

Даже Дуань Шаобо не удержался от вопроса:

– Наставник, неужели глава секты так искусен в выборе даосских имён?

– Вы принадлежите к поколению «Цзин». До вас глава секты принял тридцать четырёх учеников: Цзинцзин, Цзингао, Цзинин, Цзингуай...

Память совершенствующихся была поразительной, а способность не забывать ничего из увиденного считалась лишь основой основы. Ли Биньчэн поочерёдно перечислил даосские имена всех тридцати четырёх боевых племянников и племянниц, наблюдая, как лица двух малышей становятся всё мрачнее.

Даже Гу Цзыцзю, считавший, что наставник не станет развлекаться подобным образом, не удержался от мысленного замечания: «Дело вовсе не в том, что глава секты умеет выбирать имена. Просто, наставник, вам досталось даосское имя Вэйфань, вот вы и решили, что ученики должны разделить с вами все тяготы».

[Хозяин, ты опять собираешься пожалеть о своём выборе? ω]

[Месяц.]

[(=ω=) Что - месяц? (Д)!! М-месяц без связи?!!!]

(:з»∠) Системный помощник всё понял, но было уже поздно. Его хозяин никогда не тратил слов, если мог сразу перейти к делу: сказал «месяц» – и тут же отключил связь. Ы-ы-ы...

Ли Биньчэн вместе с двумя дрожащими учениками радостно опустился на одну из горных вершин.

Владения секты Меча представляли собой величественную, грандиозную гряду гор. Изредка среди густой листвы проглядывали предельно простые строения. На первый взгляд здесь не было ничего от легендарной благословенной обители бессмертных. Это место уступало не только резиденции градоначальника заставы Цзоли, но даже тому маленькому городу, откуда был родом Дуань Шаобо.

Однако Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо, уже оправившиеся от потрясения, вызванного даосскими именами, не выказали ни разочарования, ни презрения. Гу Цзыцзю с любопытством разглядывал всё вокруг, а Дуань Шаобо напустил на своё детское личико строгое, чрезвычайно торжественное выражение.

Они приземлились на большой вершине, с виду напоминавшей небольшую деревню. Домов здесь было немало – больших и маленьких. Завидев их, одетые в чёрное мужчины и женщины тотчас подходили, кланялись Ли Биньчэну, приветствуя его как младшего боевого дядю, с любопытством поглядывали на двух детей и уходили.

Наставник с учениками направился прямо к самому большому дому, открыл дверь и вошёл.

Как и следовало ожидать от древней секты, весь пол просторного зала снова был устлан подушками для медитации.

На почётном месте, скрестив ноги, сидел... юноша лет пятнадцати? На нём была такая же, как и на остальных, чёрная одежда из грубой ткани. Волосы, чернее его одеяния, были собраны в высокий хвост. На скрещённых коленях лежал столь же угольно-чёрный длинный меч. Однако,

несмотря на то что юноша с ног до головы был облачён в чёрное, он ничуть не казался мрачным и подавленным – от него веяло лишь кипучей, героической силой.

– Старший брат, глава секты. Младший брат, – поприветствовал юношу Ли Биньчэн, а затем обратился к сидевшему слева.

Только услышав его слова, двое малышей поспешно обернулись влево и впервые в секте Меча увидели человека не в чёрном – одетого с ног до головы в ярко-алое... младшего дядю-наставника?!

Он тоже сидел, скрестив ноги. По длинным ногам и прямой спине нетрудно было понять, что ростом он как минимум не уступал их наставнику Ли Биньчэну, а тот был выше восьми чи – примерно метр восемьдесят пять, если считать, что в эту эпоху один чи равнялся приблизительно двадцати трём сантиметрам.

Его одеяние не просто сияло ярким румяно-алым цветом – это совершенно очевидно был женский наряд, а в волосах красовался огромный алый цветок гибискуса. И всё же мужчина держался без малейшей жеманности: поясница прямая, спина ровная, плечи расправлены, осанка высокая и величавая... разумеется, если удавалось не обращать внимания на его наряд.

На приветствие Ли Биньчэна мужчина обернулся. Между бровей у него была нарисована красная черта, уголки глаз и губы тронуты румянами. Такой макияж выглядел бы чрезвычайно обольстительно даже на женщине и вполне сошёл бы за свадебный, но для этого мужчины он, по всей видимости, был самым обыденным. Брови у него вздымались словно мечи, взгляд был подобен орлиному, прямой нос казался высеченным резцом, а губы были тонки как бумага. Всю его внешность можно было описать одним словом – острая.

Глядеть на него было всё равно что видеть превосходный меч, покрытый румянами. Меч был слишком хорош, чтобы румяна могли скрыть его остроту, однако драгоценный клинок и румяна всё равно никак не сочетались.

– Приветствуем главу секты. Приветствуем младшего дядю-наставника.

Гу Цзыцзю сразу понравился Ни Сяоцзинь. С первого взгляда было ясно, что за его обликом скрывается целая история – и непременно история, полная чувств. Гу Цзыцзю чинно поклонился главе секты и Ни Сяоцзиню, а последнего вдобавок одарил широкой улыбкой.

Дуань Шаобо был ошеломлён, но голос Гу Цзыцзю привёл его в чувство, и он поспешно последовал примеру старшего соученика.

- Хорошо, - заговорил глава секты чистым, звонким голосом юноши. - Подойдите оба.

Первым выступил вперёд Гу Цзыцзю. Глава секты достал нефритовую дощечку шириной в полцуня и длиной в два цуня, приложил её ко лбу мальчика, а затем со щелчком переломил пополам. Он небрежно подбросил одну половину - та обратилась лучом света и унеслась прочь. Вторую он протянул Гу Цзыцзю.

- Светильник твоей души уже зажжён перед божественным мечом патриарха. Отныне ты ученик триста двадцать седьмого поколения секты Меча. Дарую тебе даосское имя Цзинцзю.

- Да. Ученик благодарит главу секты.

Гу Цзыцзю принял нефритовую дощечку. Кроме пяти крошечных мечей, на ней ничего не было. Официально вступить в секту - дело, конечно, хорошее, но... неужели взять часть его настоящего имени и добавить к ней обозначающий поколение иероглиф «Цзин» - это и называлось умением нарекать имена, о котором говорил наставник?

Впрочем, ладно... Как ни посмотри, «поднести вино» всё же звучало лучше, чем «накормить».

А какое даосское имя получит младший соученик? Если взять его настоящее имя - Цзиншао или Цзинбо... Любой вариант звучал лучше, чем имена самого Гу Цзыцзю и наставника.

Гу Цзыцзю уже хотел отойти, но глава секты придержал его и вынул из рукава... грецкий орех?

- Это плод Открытия Меридианов. До образования золотого ядра он принесёт некоторую пользу твоему совершенствованию.

Гу Цзыцзю снова поблагодарил его и лишь тогда отошёл. Вперёд выступил Дуань Шаобо. Ему даровали даосское имя Цзинбо и тоже вручили плод Открытия Меридианов.

Лишь когда Дуань Шаобо отступил, Ни Сяоцинзнь заговорил:

– Не могу же я позволить вам называть меня младшим дядей-наставником задаром. Возьмите это – будет вам средством передвижения.

Голос у Ни Сяоцинзня был низким, мужским, с лёгкой хрипотцой. Закончив говорить, он раскрыл ладонь. Поначалу на ней виднелись лишь две крошечные чёрные точки, но затем они выпрыгнули и начали стремительно увеличиваться, превратившись в двух чёрных цилиндров размером с небольшую собаку. Их маленькие копытца звонко зацокали по полу.

Цилиндры описали круг, после чего по одному подбежали к Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо. Обняв детей, они тихо зарычали, а затем с лёгким стуком превратились в две деревянные фигурки размером с ладонь и упали на пол.

Очевидно, это были не настоящие цилиндры, а деревянные марионетки.

– Теперь они признали вас хозяевами. Достаточно трижды похлопать по ним и позвать – и они появятся. Их размер можно менять, однако они не способны стать больше дома или меньше кулака.

– Благодарим, младший дядя-наставник!

Мастерство их младшего дяди-наставника явно превосходило бумажных марионеток учителя.

Ни Сяоцинзнь держался так доброжелательно, что даже испуг Дуань Шаобо совершенно прошёл. Более того, мальчик почувствовал вину за свою недавнюю реакцию, поэтому поблагодарил его от всего сердца.

Увидев, что всё завершено, Ли Биньчэн удовлетворённо погладил бороду. Однако, оглядевшись, он с удивлением спросил:

– Младший брат, а где мой маленький боевой племянник?

Ни Сяоцинзнь покачал головой:

– Стоило ему увидеть меня, как он принимался без конца плакать и кричать. Я побоялся

напугать ребёнка и отправил его в Зал служения мечу. Говорят, младший соученик Тун забрал его к себе.

Ли Биньчэн скривил губы:

– Поначалу ребёнок казался вполне неплохим, кто же знал...

Он посмотрел на двух своих учеников. Ни Сяоцзинь сразу понял, что тот задумал, и поспешил остановить его:

– Старший брат, нельзя...

Ли Биньчэн пожал плечами:

– Ладно, тогда я забираю этих двоих. Если у вас появится что-нибудь хорошее, не забудьте прислать своим боевым племянникам!

Похоже, Ли Биньчэн только что собирался отдать Дуань Шаобо в ученики Ни Сяоцзиню. И Гу Цзыцзю почувствовал... некоторое недовольство.

Ведь это был младший соученик, которого выбрал он сам. Его младший соученик. Они же обо всём договорились, но стоило наставнику Ли Биньчэну обнаружить, что Дуань Шаобо можно найти иное применение, как тот сразу захотел передать мальчика другому. Если бы младший дядя-наставник Ни Сяоцзинь не остановил его, Дуань Шаобо по-прежнему считался бы младшим соучеником Гу Цзыцзю – однако между ними уже возникла бы лишняя ступень родства по секте.

Отрицательные чувства рождались гораздо легче положительных, даже когда Гу Цзыцзю совсем не хотел их испытывать...

Сколько всего дурного он уже успел вкусить с тех пор, как явился в этот мир? Подумав об этом, Гу Цзыцзю понял, что не просто слегка недоволен – он был очень недоволен.

Когда все трое покинули горную вершину, где обитал глава секты, Гу Цзыцзю заговорил:

– Наставник, я...

– Ваш младший дядя-наставник просто любит так одеваться. В этом мире живут миллионы совершенствующихся, и у каждого могут быть свои пристрастия. Не смейте поражаться всему непривычному, – с суровым видом произнёс Ли Биньчэн, хотя, как ни посмотри, выглядел он несколько виновато...

Гу Цзыцзю пристально посмотрел на наставника:

– Наставник, ученик считает, что младший дядя-наставник выглядит очень красиво. Здесь нет никаких проблем. Ученик хотел сказать: мой!

Он указал на Дуань Шаобо.

Дуань Шаобо, на которого указывал палец:

– Что?

Одевание Ни Сяоцзиня тоже удивило Гу Цзыцзю, однако он принял его без малейшего предубеждения. Он знал, что в мире живых существ существуют правила. Чтобы познать всё прекрасное в этом мире, необходимо жить в рамках правил и оберегать целостность большинства из них. Иначе, если правила разрушатся слишком сильно, вместе с ними исчезнет и всё прекрасное. Мир смертных, где можно было беззаботно наслаждаться вкусной едой, а вокруг звучали весёлые голоса и смех, подобный тому, что он видел вчера, обычно погибал первым.

Но были и правила, которые не имели особого значения. К примеру, мужчинам полагалось носить мужскую одежду, а женщинам – женскую. Разве и то и другое не было всего лишь одеждой?

Ни Сяоцзинь просто не соблюдал правила, касавшегося одежды. Но если подобный наряд помогал ощутить прекрасное, Гу Цзыцзю тоже не отказался бы попробовать.

Одинокое распевавший караоке системный помощник и не подозревал, что едва не обзавёлся хозяином – великим мастером женских нарядов.

Даже достопочтенному мечу Ли Биньчэну пришлось несколько раз пораскинуть мозгами, прежде чем он понял, что имел в виду ученик. После этого он немедленно расхохотался. Гу Цзыцзю он ничего не ответил, а вместо этого погладил Дуань Шаобо по голове.

- Шаобо, признаться по правде, твой старший соученик от рождения лишён способности постигать чувства. Поэтому я и придумал способ заставить его самому выбрать себе младшего соученика. И этим младшим соучеником стал ты.

Ли Биньчэн раскрыл всю правду без обиняков.

<http://bllate.org/book/19889/1985357>